

ЗАСЛОН

Литрес

Виктория Безрукова

НЕЗРИМЫЙ ДЬЯВОЛ

Виктория Безрукова

Незримый дьявол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69289054

SelfPub; 2023

Аннотация

В недалёком будущем люди подтвердили существование четвёртой оси пространства и нашли способ с ним взаимодействовать. Совсем скоро туризм обрёл особую популярность, ведь проходя сквозь "гейты" за минуту можно оказаться на другом краю планеты. Рассказ о том, как открытие нового измерения стало источником угрозы для человечества.

Содержание

Виктория Безрукова

Незримый дьявол

Главное препятствие познания истины есть не ложь, а подобие истины.

– Лев Николаевич Толстой

Чёрный автомобиль мчался по мокрым улицам Петербурга. Его шины рассекали мерцающую поверхность асфальта с гипнотическим ритмом фонарей. За рулём сидел следователь Александр Романов, человек непоколебимой целеустремлённости. Он сжимал руль так, что костяшки его пальцев белели, и маневрировал на дороге с точностью, рождённой десятками часов погони за теньями. Дворники смахивали капли дождя с лобового стекла, открывая мимолётные проблески городского пейзажа. С каждым освещённым фрагментом внимание следователя усиливалось, чтобы сложить воедино головоломку перед ним. И речь не о дороге, а о деле, над которым он работал несколько недель подряд. Серия загадочных смертей. Двенадцать тел. Каждый раз судмедэксперт разводил руками не в силах поставить хотя бы орудие убийства. А то, что это было убийство Александр не сомневался. Людей в прямом смысле находили вывернутыми наизнанку вплоть до костей – столь ужасная естественная смерть попросту нереальна. Можно было бы предположить, что это несчастный случай, если бы тела находили внутри

механизмов или возле причудливых станков. Полный бред. Офис, гараж, парк, домашний диван – каждый раз ботинки следователя облепляла стылая кровь на полу, стёкшая с груды человеческого фарша. И всё началось с «самого значимого открытия всех времён» – как гласили по телевизору. Так называемый *гейт*¹, ведущий сквозь какое-то там пространство, мог переместить нас в любую точку планеты. За сущие гроши.

Взгляд Романова метнулся в сторону пассажира. Научный работник – доктор Мирослава Белоусова. Женщина, одно присутствие которой наполняло салон авто электрическим током, смотрела на затемнённый горизонт через пассажирское окно. Её рыжие крупные локоны волос растворялись в кирпичном цвете пальто, подчеркивая игру тонких пальцев с изящным серебряным ожерельем на шее.

Они направлялись в научно-исследовательский центр, окутанный технологическими сенсациями и перешептывающимися противоречиями. Машина свернула на светофоре. Некоторое время внутри салона только гул кондиционера поддерживал шум проливного дождя.

– Я надеюсь, вы понимаете, доктор, что моя цель – раскрыть правду. Меня не интересуют ваши академические достижения или научные прорывы, – разрядил тишину Романов.

Женщина не повернулась на голос водителя, но он всё

¹ Гейт – от английского «gate» – ворота.

равно плечом ощутил её снисходительную улыбку.

– Вы недооцениваете масштаб наших открытий, Александр. То, что мы раскопали, потенциально способно изменить саму структуру нашего понимания истины мира. Это выходит за рамки «академических наград или научных прорывов». Это откровение, которое может изменить ход человеческих жизней, – будь он хорошим следователем (а им он и был), то заметил бы в голосе доктора легкий вызов, смешанный со скрытым страхом.

Челюсти мужчины сжались. Сейчас не было времени на философское позёрство. Он резко повернул руль – шины протестующе взвизгнули на мокром асфальте.

– Я здесь не ради высоких идеалов, Мирослава. Моё понимание вашей «истины» основывается на том, что я вижу. И вижу я двенадцать нераскрытых убийств. Улавливаете?

– Вы выразились более чем понятно.

Машина рванулась вперед, подталкиваемая невидимой силой. Будто сама природа жаждала стать свидетелем кульминации этого смертоносного дорожного танца. Наконец доктор Белоусова перевела взгляд на следователя, в ее глазах отражалось что-то неприятно невысказанное.

– Однако. Вы говорите об истине так, как будто это конечная и легко постигаемая концепция. Но истина неуловима, она меняется и трансформируется. А доверять глазам... У нас даже зрение бинокулярное!

– Бино-чего? – мужчина криво усмехнулся, а женщина по-

вернулась к нему корпусом. Кажется сейчас ей хотелось ударить того по лицу.

– Вы не способны увидеть объект целиком. Вы видите только его двухмерную проекцию.

– Значит обойду или покручу этот ваш объект.

– Да что вы... – съязвила Белоусова. – Даже это *не реальный* вид настоящей трёхмерности...

Она отвернулась к окну и больше ничего не сказала.

Машина с визгом затормозила перед внушительным научным центром из полупрозрачного стекла. Фасад здания, казалось, вибрировал из-за стекающей по окнам дождевой воды. Пустые улицы, лишённые обычной суеты, создавали атмосферу одиночества, как будто погода наложила заклятие, на мгновение нарушив ритм жизни.

Следователь вышел из машины первым. Он ловко накинул воротник своего черного пальто на голову – жест, который превратил его силуэт в навязчивую фигуру, напоминающую персонажа трагического мюзикла, вдохновленного вечным романом Виктора Гюго. И подражая хорошим манерам, поспешил открыть пассажирскую дверь.

– Мне одно интересно: сможете ли вы вынести груз знаний, которые могут пошатнуть основы вашего существования? – сказала Белоусова, а её красный зонт щелчком раскрылся, отбросив капли воды.

– Увидим, – слегка нагло вато улынулся тот.

Их шаги эхом отдавались в стерильных и жутковато пустых коридорах научного центра. Освещенные ровным светом флуоресцентных ламп, они тянулись бесконечно. Белые стены и полы сияли с клинической точностью. Словно напоминание о безграничности любопытства и хрупком равновесии между известным и неизвестным. Казалось, само время затаило дыхание в этих помещениях, ожидая утра и начала рабочего дня.

– Что вы знаете о четырёхмерном пространстве? – спросила женщина гораздо мягче.

– Что-то слышал в школе, на уроках физики, но, как вы видите, вашим коллегой я не являюсь.

Мирослава кивнула.

– Четырёхмерное пространство – это бесконечная трёхмерность, расположенная по четвёртой оси координат «анаката». Их направление мы представить не можем.

– Почему?

– Проблема в нашем восприятии. Допустим, вы муравей. Вы живете в двухмерном мире и воспринимаете то, что существует в вашей плоскости. Если кто-то уберёт у вас из-под носа кубик сахара – он для вас пропадёт. Потому что вы не способны даже осознать трёхмерность. Примерно также нам сложно осознать четырёхмерность. Всё что мы видим является всего лишь её разрезом, понимаете?

– Звучит страшновато.

– Знаю, – Белоусова улыбнулась.

– И к чему вы это всё рассказали?

– Есть теория Калуцы-Клейна. Она предполагает существование других измерений пространства за пределами привычных нам длины, ширины и высоты. Та самая «ана-ката». Это могло бы помочь объяснить иначе, например, гравитацию или электромагнетизм. Вдруг силы, которые кажутся разными в обычной жизни, на самом деле являются частями единой, более фундаментальной силы, действующей в многомерном пространстве.

– Думаете, это *реально*?

– О других измерениях говорили гораздо раньше, – продолжала Белоусова. – Например, Дюрер создал гравюру «Меланхолия»² аж в тысяча пятьсот четырнадцатом году. На ней изображен с удивительной точностью гиперкуб³, повернутый на сорок пять градусов и проходящий ровно своей серединой через наше трёхмерное пространство.

² Гравюра на меди, созданная Альбрехтом Дюрером в 1514 году. Создана в период наивысшего мастерства и устремления к философскому осмыслению действительности.

³ Гиперкуб – это четырёхмерный куб с 24 гранями, 32 ребрами и 16 вершинами.

– К чему вы клоните? – Романов посмотрел на собеседницу.

Выглядела она озадаченно.

– Что, если Дюрер его *видел*?

– Не знал, что вы любитель теорий заговоров. Умеете удивлять.

– Удивлять я умею, – совершенно серьёзно заявила женщина.

Они подошли к невзрачной металлической двери, на поверхности которой не было никаких надписей или подсказок. Легким движением запястья доктор Белоусова активировала небольшую панель, и дверь открылась с едва слышным шипением. Следователь шагнул в просторное помещение первым. Резкий больничный запах сразу проник в лёгкие, так пахнут какие-нибудь процедурные кабинеты. «Фенол» – пронеслось в голове название антисептика. Тёмно-серый пол, серые бетонные стены с яркими флуоресцентными лампами, излучающими белый свет. По левое плечо несколько белых ширм, как в душевой. По правое – огромный вытянутый прямоугольник почти до потолка – вечно жужжащие сервера данных. Ближе к центру с десяток компьютерных столов: на каждом помещались по три, а то и четыре монитора. За одним из них сидел парнишка в белом халате, лет двадцати на вид. Рядом с ним стояли четверо таких же. Их лица то и дело искривляла зевота. Романов посмотрел на на-

ручные часы – двадцать-три-двадцать-пять. Не хотел бы он попасть под руководство Белоусовой.

– Идите сразу к ширмам, – доктор показала на те «душевые». – Слава, выдай, пожалуйста, капитану костюм.

Белый халат куда-то метнулся. В скором времени Романов держал в руках странного вида водолазный костюм: вместо маски яйцеобразный шлем, от которого тянулись трубки к затылку; на плечах круглые наплечники, напоминающие срезанный поперёк лук; в центре груди кнопки и три мониторчика; по ребрам струились тонкие серебряные пружинки, повторяя анатомию скелета; предплечья сжимали каплевидные полированные нарукавники. Но более странной оказалась ткань. Она состояла из мелких мерцающих щетинок, неприятная на ощупь – напомнила наждачку самой мелкой фракции.

Не задавая лишних вопросов Романов быстро надел костюм, хотя спички не горело, и почувствовал пульсирующий прилив энергии от груди до кончиков пят. Ткань, если её можно так назвать, будто резонировала с самим его существом.

– Это квантовый защитный костюм, генерирующий электромагнитное поле. Оно более стабильное и не подвержено критичному изменению. Так что защитит ваше тело и не даст ему распасться на части или вывернуться. Наша последняя разработка, – с гордостью уточнила Белоусова. – Мы называем его коротко «КОЗаК». Так, Альфа готовы?

Из тени вышла группа в составе пяти человек. Молчаливые. Тела каждого обтягивали такие же «козаки». В полумраке их темный силуэт то появлялся, то исчезал из фокуса, словно призраки, рожденные научными чудесами.

– Группа Альфа нас подстрахуют.

И пока Александр слушал от них короткий инструктаж техники безопасности, Мирослава успела измениться. Её стройный стан теперь стягивал «козак», однако он был немного другим. Изящней, что ли. Отсутствовали громоздкие трубки и элементы на руках. Вместо этого идеально гладкий черный шлем – отдаленно походил на птичий клюв. Грудь поддерживали две круглые чаши. По их периметру расходились тонкие пружинки. Романов даже засмотрелся.

– У каждого из нас будет вот такой «чижик». Это устройство активации и дезактивации для перемещения четырёхмерном пространстве. Там очень легко заблудиться, потому что вы... Буквально увидите всё.

– На пульт похож. А почему «чижик»?

– Не отвлекайтесь, пожалуйста. Ни в коем случае не перемещайтесь без моей команды. Как только я дам сигнал – сделайте шаг вперед и замрите. По выходу у вас может голова кружиться, так что ребята сразу передадут тазик...

– У меня крепкий желудок, – Романов нервно улыбнулся.

– Держите крепко, большим пальцем жмёте на большую кнопку. Надеюсь, сложности не доставит, – Мирослава в лице не изменилась. – Всё запомнили?

– Так точно.

Доктор надела шлем на голову. Следователь повторил. Она ткнула ему пальцем в грудь и тоже самое сделала себе. Костюмы... Зашевелились? Мелкие черные песчинки на ткани замерцали, вибрировали, шли быстрыми волнами. По серебряным пружинкам пролился мягкий белый свет. Похоже на костюмы научной фантастики годов восьмидесятых, типа «Пятый элемент» или «Трон».

Его рука сжимала странный прибор и большим пальцем нервно гладила силиконовую накладку кнопки, готовясь в любую секунду её продавить. Внутри костюма послышался голос Белоусовой: «На счёт три. Три-два-один. Шаг!». Романов глубоко вдохнул, задержал дыхание, активация! Миг. Второй. Вдруг воздух вокруг него дернулся рябью. Сгустился. Стал осязаемым. Затанцевал, закружился. Один тяжелый шаг «в воде» и перед глазами Романова взорвался калей-

доскоп всевозможных красок. Ноги мужчины сразу ослабели, но он удержался. Поднимаясь из глубин этого эфирного царства, кристаллические структуры возникали из ниоткуда. Горы, чьи зазубренные вершины пронзали космическую ткань, вздымались ввысь, купались в сиянии бесчисленных оттенков, излучали бирюзовую дымку. Реки, текущие чистой эссенцией света, похожие на жидкие радуги, петляли цветочными узорами, извивались, как извивался бы уж в случае опасности. Каждый оттенок плавно переходил в следующий, смешивался и в то же время был отдельным. Вот оно! Четвёртое измерение.

Дыхание перехватило. Голова закружилась.

Мельчайшее движение глаз и витиеватые узоры мгновенно менялись до неузнаваемости. Подобно древним глифам⁴, выгравированным небесными руками, они шепотом рассказывали истории о забытых цивилизациях, о космических тайнах, о непостижимой структуре четырехмерного пространства. Пейзажи менялись с каждым шагом по команде, открывая все более фантастические виды, которые не поддавались воображению. Кристаллические образования кружились в космическом водовороте.

Разум Александра сходил с ума от избытка информации. Он взглянул на ЧИЖа в руке. Мягкое свечение трёхмерного прибора придало реальности происходящему.

– Ж-ж-ж-и-и-в-в-о-о-й-й? – голос Белоусовой в шлеме

⁴ Глиф – элемент письма.

звучал везде и нигде сразу, отдавался бесконечным эхом всех известных частот, но был различим.

И Александр понял вдруг, о чем она говорила тогда, выходя из машины. Людям много ещё предстоит понять и открыть. И сделают это именно те, кто осмеливается мечтать за пределами известного. Точно не такие как он.

– Д-д-д-а-а-а, – голос следователя был точно таким же, как у доктора.

– Ш-ш-ш-а-а-а-г-г-г-а-а-а-й-й-й-н-н-н-а-а-а-з-з-з-а-а-а-д-д-д.

Мужчина протёр шлем от «колючей» пыли перед глазами. Ладонь двигалась прерывисто. Как в покадровой анимации оставляла полупрозрачный след на том месте, где была долю секунды назад. С некоторым усилием он сделал шаг. Потом ещё один и ещё, пока картинка перед глазами не схлопнулась до обычной лаборатории. С облегчением он упал на колени.

– Эти калейдоскопы – всего лишь невозможность человека увидеть картину целиком. Каждый наш шаг раскрывает еще один слой Вселенной, ускользающий от нас веками, – подытожила Мирослава под неприятные звуки блюющего в тазик человека.

Они сидели в кабинете. Женщина за рабочим столом с чашечкой кофе, мужчина – сгорбился в кресле, уронив голову в ладони. Час прошёл после путешествия в четырёхмерное пространство, а в его глазах продолжали мелькать вспышки.

– Чувствую, этот разговор будет сложным... Ещё раз. Как работают эти ваши гейты? Я не понимаю, как люди могут с их помощью телепортироваться из одной точки в другую. Я ведь видел... – Романов замешкался, – целый мир! Объясните всё тоже самое, что вы только что говорили, но понятным для людей языком.

Белоусова закатила глаза.

– Гейты – это, очень грубо говоря, тоннели в четырехмерном пространстве. Как если бы мы взяли карту мира и сложили пополам. Люди из Южной Америки в таком случае могли бы за пару шагов оказаться в Австралии.

– То есть в любую точку переместиться нельзя?

– Нельзя. Пока что нельзя. В теории, если человек подчинит себе законы четырёхмерности, то мы сможем делать самые сложные операции без вскрытия, проходить сквозь стены, телепортироваться. На практике... Мы едва прикоснулись к этому миру. И уже нажили проблем.

– Каких?

– Не знаю, но скорее всего проблемы есть.

– Слушайте. Я вам не враг. Не думайте, что я пришёл мешать вам, вставлять палки в колёса или ещё чего. Прекрасно понимаю, что вам неприятно видеть меня здесь, но раз уж компания «Заслон» согласилась на сотрудничество, о чём вы конечно же в курсе, то давайте работать вместе, – на последнем слове Романов сделал дополнительный акцент, смотря в глаза хмурой женщины.

Некоторое время Белоусова молчала.

– Знаете чувство, когда на вас будто бы кто-то смотрит? – Романов молча кивнул. – И мы машинально ловим взгляд незнакомца или животного с удивительной точностью. Этот феномен назвали «системой обнаружения взгляда». Можете почитать исследования в Psychology Today, там интересный разбор. Всё дело в склере – белой оболочке вокруг зрачка наших глаз. Периферийным зрением мозг улавливает окружение и посылает сигнал. Поэтому мы с такой удивительной точностью смотрим сразу в глаза человеку. Эволюционная выживаемость. Так вот эта система иногда сбоит. Мы можем ощущать чужой взгляд в абсолютно пустой закрытой комнате. Но что, если это вовсе не сбой? Александр, мы предполагаем, что в четырёхмерном пространстве есть *жизнь*, – ого-рошила она. – Разумная.

– Что? Как люди? – следователь неподдельно удивился.

– Только более сложная и совершенная форма. Лучшая версия нас. Я думаю, что именно она причина ваших загадочных убийств. Мы так же фиксировали странные случаи с теми, кто пользовался гейтами. К нам обратилось порядка несколько десятков пациентов. Их семьи жалуются на резкие изменения в поведении, частичной потери памяти. Этому... Даже не знаю, как назвать, «влиянию» подвержены не все. В доказательство: мы с вами остались собой.

– Но как такое возможно, почему сейчас?

– По той же аналогии с муравьём в двухмерном простран-

стве, – Белоусова сделала глоток кофе. – Они просто наблюдают за «муравьиной фермой». А если бы из неё начали сбегать муравьи, то их стоит вернуть обратно. Сами того не зная, люди привлекли к себе внимание нечто большего.

– Через пару месяцев после открытия гейтов обнаружили первый труп. Так вот почему тела были вывернуты наизнанку, – пазл в голове следователя складывался, – вплоть до костей.

– А мы – не страшная корпорация зла, – добила доктор.

– Походу вы меня никогда не полюбите. Это моя работа: ставить под сомнения, задавать вопросы и докапываться до сути. Вы изучаете гейты, производите передовые технологии для пользования людей, для использования этих же гейтов. Само разумеющее, что вас – «Заслон» – я подозревал в первую очередь. И какого было моё удивление, когда после нескольких недель упорной долбёжки в одни ворота руководства, те согласились направить запрос вам, а вы сразу пошли на встречу! Сразу! Будто я мог прийти сюда и раньше, да просто спросить без часовой рутины с поиском доказательств и связей с преступлениями.

– Видимо могли, – Мирослава пожала плечами. – Нам в любом случае нужны союзники.

Она встала, подошла к следователю и протянула руку с раскрытой ладонью.

– И ваша помощь. Нужно запретить людям использовать гейты. До полного их изучения. В противном случае простое

нарушение баланса – это меньшее из зол. Помогите спасти жизни.

Романов встал, стараясь игнорировать вспышки в глазах, и пожал руку женщине.

– Теперь, когда вы видели четырёхмерность своими глазами, когда услышали моё объяснение, пожалуйста, постарайтесь донести эту информацию выше. С такой поддержкой у нас есть шанс быть услышанными. «Заслон» всегда заботился о людях.

– Я вам верю.

«... Их семьи жалуются на резкие изменения в поведении, частичной потери памяти...» – слова доктора раз за разом повторялись в голове следователя. Она рассказала в кабинете если не всю, то большую часть информации, которой владела сама. Что-то не сходилось. Не давало покоя следователю. Даже если те двенадцать человек скончались от того, что их перетащила в четвёртое измерение какая-то тварь с неясной мотивацией, то какой смысл ей же влиять на ментальное здоровье других туристов? И почему не всех?

Романов сидел в душном вагоне метро. От поездки на машине он благоразумно отказался – перед глазами всё ещё немного мелькали вспышки. Состав нёс следователя через подбрюшье города. Грохот колёс возле открытой форточки вместо кондиционера закладывал уши, а он всё равно не слышал даже объявленных станций. Возможно, сегодня снова

доедет до конечной. Придётся пересаживаться и ехать в обратную сторону.

«А что, если Мира ошибается? Что если влиянию подвержены все, кто проходил сквозь гейты? Просто в разной концентрации. Даже я... Но зачем? Для банального порабощения человечества?»

В темечко Романова кольнуло. Липкий страх прошёлся по позвоночнику от поясницы до затылка, обнял за плечи, окатил холодной водой. На него кто-то смотрел. Он отвлёкся от мыслей и поднял голову. Взгляд скользнул по вагону метро, и грудь сжалось изнутри. Каждая пара глаз людей в переполненном вагоне жадно впивалась в его фигуру. Никто не моргал.

«Догадливый муравей» – прозвучал в голове Романова чужеродный голос.

Его рука сняла с предохранителя пистолет, спрятанный под пальто с самого начала поездки в научный центр.